

МАРИО ЭСКОБАР

КОЛЫБЕЛЬНАЯ
ДУШВИЦА

Мы перестаем существовать,
когда не остается никого, кто нас любит

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44
Э85

Mario Escobar
AUSCHWITZ LULLABY

Copyright © 2018 by Mario Escobar
Published by arrangement with Thomas Nelson,
a division of HarperCollins Christian Publishing, Inc.

Эскобар, Марио.

Э85 Колыбельная Аушвица. Мы перестаем существовать, когда не остается никого, кто нас любит / Марио Эскобар ; [перевод с английского О. Перфильева]. — Москва : Эксмо, 2023. — 288 с.

ISBN 978-5-04-165380-4

Хелен Ханнеманни и ее семья переезжают в Берлин в поисках лучшей жизни. В большом городе можно раствориться, а именно так можно выжить в новой Германии — превратиться в невидимку. Но худшие опасения Хелен сбываются, когда ее мужа, виртуоза-скрипача, сначала увольняют из Берлинской консерватории, а после по приказу СС арестовывают вместе с их детьми.

Хелена могла остаться на свободе, в отличие от ее мужа-цыгана и их пятерых детей, но она отказалась бросать семью. В лагере ей предстоит сделать еще более судьбоносный выбор: сдаться и подчиниться воле судьбы или бороться и спасти, ценой своей жизни, маленьких узников Аушвица.

В книге две концовки: художественная и реальная, каждый читатель сам решает, чем закончится история Хелен и ее семьи.

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

© Перфильев О., перевод на русский язык,
2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-165380-4

*Моей любимой жене Элизабет,
с которой мы вместе посетили Аушвиц
и которая влюбилась в эту историю.
Мне хочется провести с тобой остаток жизни*

*Более чем двадцати тысячам этнических цыган,
над которыми издевались и которых убили
в Аушвице, и четверти миллиона, убитым
в лесах и рвах Северной Европы и России*

*Ассоциации памяти геноцида цыган
(Asociación de la Memoria del Gencidio Gitano)
за их борьбу ради истины и справедливости*

Противоположность любви — не ненависть, а безразличие. Противоположность красоты — не уродство, а безразличие. Противоположность веры — не ересь, а безразличие. И противоположность жизни — не смерть, а безразличие к жизни и смерти.

— Элли Визель

Через час после выезда из Кракова наша колонна остановилась на большой станции. На указателе было написано название «Аушвиц». Для нас это ничего не значило. Мы никогда не слышали об этом месте.

— Миклош Нисли

Нужно было обладать необычайной моральной силой, чтобы удержаться на краю нацистской низости и не сорваться в яму. И все же я видела, как многие интернированные до самого конца держались за свое человеческое достоинство. Нацистам удалось унижить их физически, но они не смогли унижить их морально.

— Ольга Лендбель

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

«К олыбельная Аушвица» оказалась самой трудной книгой за всю мою карьеру писателя. Но это не из-за трудностей с изложением или сомнений в том, куда движется сюжет. Меня беспокоило то, что на страницах этой книги я не смогу передать истинное величие духа Хелены Ханнеманн.

Люди — это мимолетное дуновение ветерка посреди урагана обстоятельств, но история Хелены напоминает нам о том, что мы можем оставаться хозяевами своей судьбы, даже если против нас будет настроен буквально весь мир. Не могу утверждать, что эта книга сделала меня лучше, но она точно научила меня меньше оправдываться за свои ошибки и слабости.

МАРИО ЭСКОБАР

Услышав историю Хелены, мой друг и издатель Ларри Даунс сказал, что ее должен узнать весь мир. Но зависит это не от нас, а от тебя, дорогой читатель, и от твоей любви к правде и справедливости. Помоги мне поведать миру историю Хелены Ханнеманн и ее пятерых детей.

*Мадрид, 7 марта 2015 года
(чуть более семидесяти лет
после освобождения Аушвица)*

ПРОЛОГ

Март 1956 года
Буэнос-Айрес

На время крутого подъема самолета я за-
таил дыхание. За все шесть проведенных
в Аргентине лет я практически не вы-
бирался за пределы Буэнос-Айреса. От мысли
о том, что мне придется много часов просидеть
в тесном пространстве, у меня сдавило грудь.
Но вот самолет выровнялся, и дыхание у меня
восстановилось. Я успокоился.

Миловидная стюардесса спросила, не хочу ли
я чего-нибудь выпить, и я сказал, что чай будет

в самый раз. Может быть, и нужно было заказать что-нибудь покрепче, чтобы успокоить нервы, но я отказался от спиртного еще в Аушвице. Было отвратительно наблюдать, как мои коллеги изо дня в день напиваются, а комендант Рудольф Хесс с остекленевшим взглядом едва ли что-то соображает. В последние месяцы войны многие пытались заглушить алкоголем отчаяние от поражений и боль от потери жен и детей, погибших в результате налетов авиации противника. Но я считал, что, несмотря на любые обстоятельства, немецкий солдат — а тем более член СС — должен оставаться собранным.

Стюардесса аккуратно поставила чашку с горячим чаем на откидывающийся столик, и я с улыбкой поблагодарил ее. У девушки были совершенные черты. Полные губы, ярко-синие глаза, маленькие румяные щеки — идеальное арийское лицо.

Сделав несколько глотков, я перевел взгляд на свой потертый чемодан. Чтобы не скучать в полете, я взял с собой несколько учебников по биологии и генетике. А еще — даже не могу объяснить почему — в последнюю минуту я захватил пару тетрадей из детского сада при цыганском лагере в Аушвице-Бирке-

нау¹. Много лет назад я сложил их вместе со своими отчетами о проведенных в Аушвице генетических исследованиях, но никогда не возвращался к ним и не перечитывал. Эти тетради были дневниками немки Хелены Ханнеманн, с которой я познакомился в Аушвице. Эта женщина, ее семья и война — все это было теперь частью далекого прошлого, в которое я бы предпочел не возвращаться. Тогда я был молодым офицером СС, и все обращались ко мне «герр доктор Менгеле»².

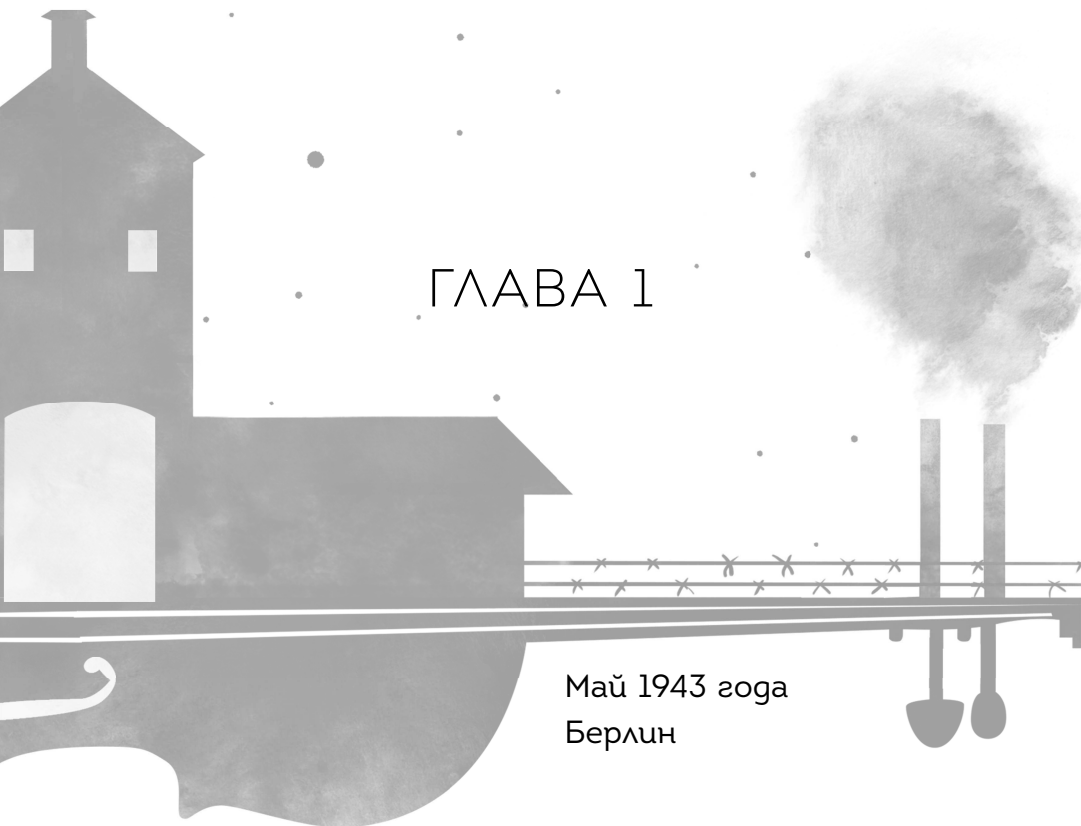
Я протянул руку и взял первую тетрадь. Обложка совсем выцвела и вся покрыта пятнами, а бумага приобрела тот самый блекло-желтый цвет старых историй, которые уже никому не интересны. Но я все же медленно перевернул первую страницу.

¹ Немецко-фашистский концентрационный лагерь Аушвиц-Биркенау, известный также под названием Освенцим. В мировой практике принято использовать немецкое название «Аушвиц», а не польское «Освенцим», поскольку именно немецкое название использовалось нацистской администрацией.

² Йозеф Менгеле — немецкий ученый-медик — врач, проводивший медицинские опыты на узниках концлагеря Аушвиц.

И вдруг будто костлявая рука Хелены Ханнеманн, директора детского сада в Аушвице, схватила меня и затащила обратно в Биркенау, в секцию VІІе, где содержались цыгане. Грязь, изгороди из проволоки, по которым пропущен электрический ток, и приторный запах смерти — таким Аушвиц остался в моей памяти.

ГЛАВА 1

Май 1943 года
Берлин

Было еще темно, когда я, полусонная, вылезла из постели. Ежась от утренней прохлады, я влезла в свой легкий атласный халат и, стараясь не разбудить Иоганна, пошла в ванную. К счастью, в нашу квартиру еще поступала горячая вода, и я смогла быстро принять душ, прежде чем будить детей. Всем им, кроме маленькой Адалии, в это утро нужно было идти в школу. Вытерев запотевшее зеркало, я несколько секунд рассматривала свое отражение. С грустью отметила, что появилось еще

несколько морщинок, а под глазами отчетливо обозначились мешки. Впрочем, это неудивительно для матери пятерых детей, работающей в две смены. Пока сушила волосы, услышала, как проснулись близнецы Эмили и Эрнест.

Когда я вошла в комнату, они сидели в постели и тихо переговаривались. Два их старших брата продолжали лежать, свернувшись калачиком, пытаясь насладиться последними секундами сна. Адалия до сих пор спала со мной и мужем, потому что детская кровать была слишком мала для пятерых.

— Потихе, милые. Остальные еще спят. Маме нужно приготовить завтрак, — прошептала я и тихонько положила на кровать их одежду. Близнецам было уже по шесть лет, и помощь в одевании им не требовалась.

Я прошла на нашу крошечную кухню и начала готовить завтрак. Через несколько минут помещение наполнил горький аромат дешевого кофе. Точнее, просто горячей воды с коричневым оттенком — единственного способа скрыть отвратительный вкус разбавленного водой молока. Хотя к этому времени старшие дети знали, что пьют не настоящее молоко. Если повезет, нам удавалось достать несколько банок сухого молока, но с начала года, по мере ухудшения си-

туации на фронте, пайки становились все скуднее и скуднее.

С шумом на кухню прибежали дети и, усевшись за стол, жадно уставились на тарелку с кусочками хлеба с маслом и сахаром.

— Потише, милые. Отец и Адалия еще в постели, — строго сказала я, пока они занимали свои места.

Несмотря на голод, они не набросились на хлеб, а подождали, пока я расставляю кружки, а потом еще произнесли короткую молитву благодарности за еду.

Через три секунды тарелка опустела, дети допили кофе и отправились в ванную чистить зубы. Я тем временем зашла в нашу спальню, чтобы взять ботинки, пальто и шапочку медсестры. Иоганн не пошевелился, глаза у него были закрыты, но я-то знала, что он притворяется спящим и встанет с постели, только когда услышит, как закрывается входная дверь. Ему было стыдно, что теперь кормилец семьи — я. Но ничего не поделаешь: за время войны в Германии все изменилось.

Иоганн был скрипачом-виртуозом. Он много лет играл в Берлинской филармонии, но начиная с 1936 года ограничения в отношении всех, кто не вписывался в расовые законы нацист-